

АНГЛИЙСКИЙ КРИПТОКЛАСС «ВМЕСТИЛИЩЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ

О. Ф. Задобривская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2017 г.

Аннотация: в статье предлагается семантическое обоснование для выделения и описания криптокласса английского языка «Вместилище». Анализируются различные подходы к толкованию категоризирующего признака, лежащего в основании криптокласса. Представлена языковая категоризация ментефактов по образу и подобию контейнера.

Ключевые слова: вместилище, топологический тип, криптокласс, категоризирующий признак, классификатор, классифицирующие структуры.

Abstract: the paper deals with the typological basis for outlining and description of the English noun cryptotype "Container". Different approaches to delineation of the noun cryptotype denoting a container are analyzed. Linguistic categorization of mentefacts belonging to the "Container" cryptotype is presented.

Key words: container, spatial scheme, categorical feature, noun cryptotype, classifier, collocation.

Предметом нашего исследования является выделение и описание именного криптокласса английского языка «Вместилище». Пытаясь расширить наше представление о классах именной лексики разной степени грамматикализации, мы обратились к семантическому признаку 'быть полым, функционально способным вмещать в себя другие предметы, используемым для хранения чего-либо', который является релевантным для языковой категоризации мира, т. е. категориальным, и лежит в основании именных классов в таких языках, как атапаскские.

Так в языке Upper Kuskokwim существует грамматический класс с категориальным признаком 'открытый контейнер' и грамматический класс с категориальным признаком 'закрытый контейнер'. Функцию классификатора имен выполняют глагольные основы. Существительные, обозначающие открытые контейнеры, типа стакана воды, и закрытые, типа мешка или сумы, сочетаются с разными глаголами. Так, чтобы сказать, что *вода находится в ведре* (открытый контейнер, пример 1a), необходим глагол *konh*, а если *ягоды помещены в мешок* (закрытый контейнер, пример 1b) – глагол *tonh* [1].

(1a) *zi-konh* – *Water in a bucket.*

(2b) *zil-tonh* – *Berries in a sack.*

Размышления на тему языковых образов мироздания по аналогии с контейнером находим в работах представителей когнитивного направления в лингвистике, начиная с отцов концептуальной метафоры Дж. Лакова и М. Джонсона, а также исследователей пространственной когниции (Taylor, Hersko-

vits, Vandeloise и др.) и их российских последователей (см., например, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, В. В. Корнева). Представляется, что данную когнитивную единицу независимо от ее теоретического статуса в лингвистике (*концепт*, *концептуальная схема*, *образная схема*, *spatial scheme*, *топологический тип*) следует признать ключевой в понимании пространственных отношений включенности/встроенности, равно как и в семантическом описании производных этих отношений. И это не удивительно, поскольку многие важные для жизнедеятельности вещи устроены именно по принципу матрешки.

На наличие в разных языках мира морфологических показателей классов имен с признаком «вместилище» обратил внимание Б. А. Серебренников в работе «Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление» [2, с. 8]. Уместно в связи с этим упомянуть суффикс русского языка *-ница* как показатель грамматического разряда существительных с семантикой «контейнер» (ср., *чернильница*, *мыльница*, *сахарница*, *пепельница*, *перечница*).

Л. Талми для теоретического описания языковой способности структурировать пространство использует понятие *spatial scheme* (*пространственная схема*). В работе "How Language Structures Space" он пишет, что объекты категоризируются в английском языке как вместилище, если употребляются в предложных конструкциях с предлогом *in/into/inside* [3, с. 239–240] как, например, *volcano* (пример 2).

(2) *The lava in the volcano* [3, с. 259].

Предназначение пространственной схемы – «выделить один объект внутри схемы и охарактеризовать его место в пространстве по отношению ко второму,

а иногда и к третьему объекту» [3, с. 229]. Таким образом, расположение основного объекта характеризуется как бы через призму другого объекта, особенности которого – его расположение или характеристики – уже известны.

Интересно в этом смысле противопоставление языкового образа автомобиля (*car*) и автобуса (*bus*) в английском языке. Для категоризации автомобиля употребляются предложные конструкции [*get in / out of*], в то время как автобус категоризируется, скорее, как площадка, поверхность, поскольку вышеуказанная конструкция для слова *bus* не типична, а типична [*get on / off*], [*hop on / off*] [3, с. 267].

Дальнейший вклад в разработку проблематики и связанной с этим интерпретации когнитивного потенциала образной схемы «контейнер» внесла Е. С. Кубрякова. Согласно ее концепции «расчленение мира на объекты по принципу встроенности друг в друга позволяет представить и сами объекты как взятые лишь в одном вполне определенном ракурсе их бытия – в качестве вместилищ, или же областей существования для других объектов [4, с. 484–485]. Эта очевидная и наглядная ситуация, повторяемая в тысячах разных вариаций, но интерпретируемая в конечном счете **одной образной схемой** – схемой контейнера – дает основание моделировать и один из главных принципов человеческого познания, который Е. С. Кубрякова предлагает называть принципом обратимости позиции наблюдателя в любых описаниях мира. При помощи такой образной схемы можно описывать отношения между *любыми* объектами. Даже систему интерпретации объекта можно рассматривать как его контейнер, поскольку объект является включенным в его интерпретацию. В то же время в объекте, являющимся частью системы присутствует и сама система (ср. идею фракталов и фрактальности, знания о структуре ДНК и записи генетической информации в клетках белка) [4].

Е. С. Кубрякова выделяет различные типы контейнеров:

- 1) вместилища с полыми пространствами для хранения или содержания чего-либо;
- 2) естественные укрытия или впадины, резервуары и сосуды;
- 3) замкнутые пространства (человеческое тело или поле зрения);
- 4) разомкнутые, разорванные пространства (например, домашняя утварь) [4, с. 487].

Вместо привычного определения образной схемы «контейнер» Е. С. Кубрякова поясняет ее сущность через форму (контуры, видимые очертания контейнера) и функцию контейнера – указывать на нахождение или содержание одного объекта в другом. Примечательно, что вычленение контуров объекта, согласно мнению автора, может происходить только

в процессе наблюдения за зрительно релевантными характеристиками объектов в их *движении*. Объект, известный человеку как трехмерный, видится нетождественно и выступает на разных этапах перемещения как двухмерный (плоскость, поверхность) и даже в роли точки [4, с. 488].

Понятие «контейнер» имеет связь с такими онтологическими категориями, как объект и место, или пространство. В результате языковой категоризации некоторого объекта или явления по аналогии с контейнером ему приписывается только один значимый в данной ситуации для человека признак – «его способность служить благодаря своим границам для включения в него еще какого-либо предмета/объекта» [4, с. 482]. Идея контейнера – это идея «пустого пространства», «схематизированное и предельно упрощенное представление об универсуме лишь в его способности хранить в себе что-то» [там же]. Следовательно, и пространство, как и любой объект, можно представить неким контейнером, границы которого определяют его физические особенности (емкость, сосуд, мешок и другие вместилища), его качественную специфичность (вода, воздух и т. п.) и воображаемую отдельность (чувства и состояния). Наделяя образную схему «контейнер» универсальным статусом, Е. С. Кубрякова предлагает использовать ее для исследования языковой метафоры.

Исследовательская позиция в отношении языковых средств реализации данной образной схемы во многом перекликается со взглядами зарубежных ученых. Маркерами встроенности одного объекта в другой выступают предложные конструкции и соответствующие им наречия, которые дополняют представление об особенностях пребывания объекта в этом самом контейнере.

Примечательно, что не всякая предложная конструкция русского языка [в чем-то] может диагностировать контейнер. Так, обороты типа *в точке X*, *в центре X* представляют объект X лишенным всякого объема, без контуров, а значит и без способности вмещать в себя другой объект. Ограниченность диагностирующей функции предложных конструкций в русском языке можно наблюдать, если сравнить обороты *цветы в вазе* и *трещина в вазе*. В первом случае ваза мыслится как реальное вместилище, тогда как в другом, имеется в виду только стенка вазы, т. е. ее контур [4, с. 488].

В связи с этим встает вопрос об эталонных контейнерах. Дж. Денни, например, к эталонным контейнерам относит как объекты, имеющие четко очерченные контуры или обладающие полыми сферами (впадины, ямы), так и объекты с оболочками (семена, зерна) [5, с. 214].

Е. В. Рахилина для исследования языковой категоризации топологии мира вместо *spatial scheme*

Л. Талми предлагает использовать термин «топологический тип». Разрабатывая инструментарий для изучения языкового оформления эталонных форм, например, емкости или поверхности, она вводит в лингвистическое описание топологические типы, которые характеризуются «сложными наборами признаков» и «являются для антропоцентричного подхода к языку ясной альтернативой евклидовой геометрии» [6, с. 121]. Для языкового образа должны учитываться все параметры – его размеры и форма едины и образуют топологический тип объекта [там же, с. 14].

Согласно теории Е. В. Рахилиной, все имена контейнеров должны представлять собой отдельный топологический тип. Так, имена существительные русского языка, сочетающиеся с прилагательным *глубокий*, а также употребляющиеся в конструкциях с предлогами *в, внутри, изнутри, наружу* и т. п., называют такие сущности, которые категоризируются в русскоязычной культуре по образу и подобию контейнера. Однако не любой объект, ограниченный с трех-четырех сторон и имеющий полость, может быть назван контейнером. Только тот объект, у которого «измеряется функционально значимая полость», т. е. обладающий полостью, «в которую что-то кладут и откуда что-то вынимают» может считаться контейнером, например, *глубокая пропасть, глубокая миска*. Не правомерно, в связи с этим, говорить о кошке, спрятавшейся под письменным столом в пространстве, ограниченном с трех сторон – полом, тумбами и задней стенкой, – как об объекте, помещенном в контейнер (*кошка в столе**) [6, с. 131]. Заметим, что полость некоторых объектов в одних случаях может быть функциональной, а в других нет. Так, *шляпа*, функционирующая как головной убор, не сочетается с прилагательным *глубокий*, но если та же шляпа выступает как емкость для сбора милостыни, ее топология изменяется [там же, с. 132].

Для описания емкости семантически близкими выступают прилагательные *глубокий* и *высокий*, так как для их измерения необходимо измерить размеры внешней и внутренней вертикальной поверхности. Следовательно, контейнер может быть и *глубоким*, и *высоким* [6, с. 133]. Интерпретация контейнера у Е. В. Рахилиной находит отражение в следующих словосочетаниях: *глубокий ум, глубокое изучение, глубокий анализ* и т. п. Семантическая структура этих сочетаний является сложной, так как «данный метафорический перенос осложнен не только метонимическим, но и еще одной метафорой». Это связано с тем, что предметное имя выступает в качестве емкости, а предикат понимается как «погружение в эту емкость» [там же, с. 148]. Прилагательное *глубокий* обычно сочетается с «именами емкостей постоянной формы», причем емкость может быть «развернута

горизонтально» (например, *глубокая пещера, нора*) или другим способом (например, *глубокое небо*). Предметы мебели также могут быть интерпретированы как емкость при сочетании с данным прилагательным. Это касается тех объектов, которые «предназначены для сидения и имеют внешнее и функциональное сходство с формой емкости (например, *кресло, диван*)» [там же, с. 124]. Прилагательным *глубокий* измеряется контейнер «от входного отверстия до его дна – и обратно...», причем дно выступает «как своеобразный предел движения взгляда наблюдателя» [там же, с. 135]. При сочетании с прилагательным *толстый* предметное имя выступает в качестве «мягкой» емкости, например *толстый буфетчик* [там же, с. 123].

Исследованием именной классификативности занимаются и ученые Воронежской лексико-типологической группы (см., например, [7–10]). Согласно их теории, для унификации описания классов существительных в языках разных типов и семей целесообразно использовать предложенное еще Б. Л. Уорфом [11] понятие криптокласса – *криптокласс*. Так, А. А. Кретов разработал стратегию изучения скрытых категорий на примере криптоклассов русских существительных [12] и в соавторстве с В. Т. Титовым обосновал их роль в типологическом описании грамматики романских языков [13]. Над описанием криптоклассов существительных в английском языке работали О. О. Борискина, Т. Марченко, О. В. Доница, О. А. Голикова и др. [13–18]. Цель нашего исследования – выделить и обосновать еще один криптокласс английского языка – «Вместилище».

Классификаторами криптокласса «Вместилище» в английском языке можно считать коллокации слова *container*, например глагольные локативные конструкции [put/be put in/into a container], [be found in/inside a container], [take/be taken/from/out of a container], [be drawn from/out of a container], [pull out of a container], а также [a full container], [a container is full], [a container is filled with], [a deep container], [a container is deep], [an empty container], [a container is empty].

Мы взяли ментефакты *idea, thought, opinion, view, concept, guess, theory, sense, notion, dream* и исследовали, категоризируются ли они по образу и подобию контейнера? Материал исследования получен из корпусов М. Дэвиса [19]: COCA (Corpus of Contemporary American English), который включает в себя 450 млн словоупотреблений, GLOWBE (Corpus of Web-Based Global English), насчитывающий 1,9 млрд словоупотреблений, и корпус NOW (News on the Web) [20], насчитывающий 5,2 млрд словоупотреблений.

Создавая поисковые запросы, мы пользовались корпусными методами.

Сравнив результаты обработанных корпусных запросов, мы заметили, что GLOWBE и NOW дают более интересную (качественно и количественно) картину метафорики ментефактов, нежели СОСА.

В следующих примерах ментефакты замещают субъектную позицию конструкции [a container is full], что является языковым свидетельством категоризации этой мыслительной операции по образу и подобию контейнера, который может быть наполнен. Абстрактные ментальные имена, не имеющие никакой семантической общности с *container* категоризируются по аналогии с вместилищем. Так, мысли ассоциируются с сосудами, переполненными осколками мотиваций (пример 3), а понятие – с парадоксами (пример 4).

(3) *His thoughts were full of so many tiny sparkling minerals of motivations, and he glared at them angrily.*

(4) *The concept of stickiness is full of paradoxes.*

Многие ментефакты, которые могут быть заполнены, могут быть и пустыми (примеры 5–6). Так, справедливость может быть описана как пустой контейнер и тогда она лишена всякого смысла (пример 5). Мечту – особый вид воображения – называют пустой, если она по каким-то причинам не была реализована (пример 6):

(5) *Justice seems to be a very empty concept right now.*

(6) *<...> and their real fortunes had so many chasing empty dreams.*

Анализ показал, что ментальные имена, подобно контейнеру, заполняются [a container is filled with]. Мы можем наблюдать, что достаточно часто мысли могут быть заполнены образами человека (пример 7). Понятие может быть заполнено небольшими изменениями, отклонениями, вариациями (пример 8):

(7) *My thoughts are filled with you.*

(8) *I suggested that we think of a tree as a concept filled with many variations.*

Конструкции [be in/inside a container], [put/be put/be plunged/be immersed/be buried/bury in/into a container], [find/be found in a container], [slip in/into a container], [there is smth in a container], [sink/be sunk in a container] также используются для описания помещения или нахождения объектов в некотором вместилище. Так, в примере 9 мысли складываются в идею-контейнер.

(9) *The more thought I put into the idea, the more I believe that gay kids should be able to have the same.*

Диагностирующую функцию выполняют и конструкции [take/be taken from a container], [be drawn from a container]. Мнение выступает вместилищем для выводов (пример 10), которые легко можно вынуть из мнения-контейнера, а мысль выступает вместилищем для размышления (*mind*, пример 11).

(10) *However, the following conclusions were drawn from the opinion of the psychologist based on the abovementioned tests.*

(11) *But he could not take his mind from the thought of the peddler woman's kindness.*

При помощи коллострукций [pull out of a container], [take out of a container] маркируется высвобождение чего-то из вместилища, а также возможность взять/вытянуть что-то из него. В примере 12 иллюстрируется, что мысль – некая оболочка, и она больше, чем сам человек, и его, человека, необходимо вытянуть из этой оболочки. В полость может быть заложена тайна, и эту тайну вынимают из понятия (пример 13):

(12) *Now you want to pull him out of thought.*

(13) *This book took the mystery out of the concept of empowerment and left me with a great appreciation for what true empowerment.*

Некоторые ментефакты (понятие или теория, пример 14, 15) могут быть глубокими и объемными.

(14) *The deep notion of computability is so fundamental to everything we do in computing.*

(15) *Without a deep theory, each new example of "stretching the envelope" is progressively less arresting.*

Анализ материала показал, что исследуемые ментефакты согласно теории скрытой категориальности могут категоризоваться по образу и подобию эталонного контейнера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А. А. Язык интересен, или Лингвистика среди наук когнитивного спектра / А. А. Кибрик // Шестая Междунар. конф. по когнитивной науке : тезисы докладов. – Калининград, 2014. – С. 18–20.
2. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
3. Talmy L. How Language Structures Space / L. Talmy // Spatial Orientation. Theory, Research, and Application. – New York and London : Plenum Press. – 1983. – P. 225–282.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
5. Denny J. P. Contextualization and differentiation in cross-cultural cognition / J. P. Denny // Indigenous Cognition : Functioning in cultural context / ed. by J. W. Berry et al. n. p. – 1988. – P. 213–229.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2008. – 416 с.
7. Борискина О. О. Языковая категоризация перво-стихий воздуха, огня, воды и земли (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд.

филол. наук / О. О. Борискина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т. – 1999. – 40 с.

8. Борискина О. О. Криптоклассы первостихий как элемент онтогностического описания языка / О. О. Борискина // Проблемы лингвистической прогностики : сб. науч. трудов под ред. А. А. Кретова. – Воронеж, 2000. – С. 121–126.

9. Кретов А. А. «Полет мысли» и методика исследования криптоклассов / А. А. Кретов, О. О. Борискина, Н. Е. Васильева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2004. – № 1. – С. 61–65.

10. Корнева В. В. Номинативные стратегии как отражение особенностей пространственного мышления этноса / В. В. Корнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 77–81.

11. Whorf B. L. Language, Thought and Reality : Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf. – Cambridge, 1956. – 278 p.

12. Кретов А. А. Съедобное-несъедобное, или криптоклассы русских существительных / А. А. Кретов // Linguistica Silesiana. – 1992. – № 14. – С. 103–114.

13. Титов В. Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / В. Т. Титов, А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 7–12.

*Задобривская О. Ф., аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: kasha25@list.ru*

Voronezh State University

14. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка / О. О. Борискина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 333 с.

15. Борискина О. О. Моделирование синтагматической динамики слова / О. О. Борискина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 57–64.

16. Борискина О. О. Английский криптокласс «Res Longa», или и все-таки они колются / О. О. Борискина, О. Донина // Проблемы лексико-семантической типологии : сб. науч. трудов / О. О. Борискина, О. Донина ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – С. 84–95.

17. Голикова О. К вопросу о выявлении именованного криптокласса «Res Planae» / О. Голикова // Когнитивные исследования языка : сб. науч. трудов / гл. ред. Н. Н. Болдырев. – Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование. – Тамбов, 2014. – С. 132–140.

18. Borisikina O. O. A corpus-based study of noun cryptotypes in English / O. O. Borisikina // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. / ред.: А. Е. Кибрик [и др.]. – М., 2011. – С. 135–145.

19. Собрание корпусов М. Дэвиса. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu>

20. Davies Mark. Corpus of News on the Web (NOW): 3+ billion words from 20 countries, updated every day. – Provo, 2013. – Mode of access: <http://corpus.byu.edu>
Воронежский государственный университет

*Zadobrivskaya O. F., Post-graduate Student of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: kasha25@list.ru*